

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 811.161.1'0+003.3. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-7-16.
ББК Ш141.12-03+Ш141.12-63.
ГРНТИ 16.21.31. Код ВАК 5.9.8

РУССКОЕ ПИСЬМО: ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Карпенко Л. Б.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева (Самара, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>
SPIN-код: 8604-2331

А н н о т а ц и я. Статья посвящена проблеме происхождения русского письма. Актуальность работы обусловлена важностью оценки дискуссий о происхождении русского письма, доказательства ошибочности представлений о глаголице как о письме восточных славян и приведения семиотических аргументов о природе глаголицы, указывающих на ее связь с деятельностью св. Кирилла. Цель статьи – показать динамику научных взглядов по вопросу о корнях восточнославянской письменности. В статье прослежены представления о происхождении древнерусского письма – от признания древнеболгарской его основы в трудах славистов XIX в. до гипотез о «своих корнях» письма в советский период и последующей критики этих гипотез. Внимание сосредоточено на первой славянской азбуке глаголице, рассмотрение которой приобретает в исследовании междисциплинарный характер. Анализ традиционной филологической проблемы обогащен историко-культурным, религиозно-философским, семиотическим контекстом. Применение междисциплинарного подхода обусловлено, с одной стороны, системным характером глаголического письма, с другой – недостаточностью традиционного рассмотрения проблемы в рамках формального палеографического подхода. Ориентация на междисциплинарность при рассмотрении проблемы содействует применению новых приемов изучения объекта. На основании текстологического анализа источников и семиотического анализа системы глаголического письма обосновывается ошибочность утверждений о докирилловских восточнославянских истоках глаголицы. Показаны результаты исследования глаголицы с применением семиотических приемов пространственного и матричного моделирования. Выявлены характерные особенности внутренней организации семиотической модели азбуки, которые отражают ее рациональность, творческий характер. Показано, что глаголица сочетает принципы фонографии и идеографии, при этом идеографические свойства глаголицы связаны с выражением религиозного комплекса правой веры, который отстаивали в своей миссионерской деятельности солунские братья святые Кирилл и Мефодий. Осуществленный анализ служит важным доказательством атрибуции св. Кириллу именно глаголицы, а не кириллицы. Исторические корни письма восточных славян являются общими с письмом, отраженным в моравских и древнеболгарских памятниках церковной книжности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: происхождение русского письма; св. Кирилл; глаголица; междисциплинарный подход; семиотический анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я: Карпенко, Л. Б. Русское письмо: проблема происхождения / Л. Б. Карпенко. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2025. – Т. 30, № 2. – С. 7–16. – DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-7-16.

RUSSIAN WRITING: THE PROBLEM OF ORIGIN

Liudmila B. Karpenko

Samara National Research University
named after academician S. P. Korolev (Samara, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>

A b s t r a c t. The article deals with the problem of the origin of Russian writing. The relevance of the study can be attributed to the importance of evaluating the discussions on the origin of Russian writing, highlighting the fallacy of ideas about the Glagolitic alphabet as the writing of the Eastern Slavs and presenting semiotic arguments about the nature of the Glagolitic script, indicating its connection with the activity of St. Cyril. The aim of the article is to show the dynamics of scientific views on the question of the roots of East Slavic writing. The article traces the ideas about the origin of Old Russian writing – from the recognition of its ancient Bulgarian basis in the works of Slavists of the 19th century to the hypotheses about the ‘own roots’ of writing in the Soviet period and the subsequent criticism of these hypotheses. Attention is focused on the first Slavic Glagolitic alphabet, the consideration of which acquires in the study an interdisciplinary character. The analysis of the traditional philological problem is enriched with a historical-cultural, religious-philosophical, and semiotic context. The application of the interdisciplinary approach is conditioned, on the one hand, by the systemic nature of Glagolitic writing, on the other hand, by the insufficiency of the traditional consideration of the problem within the framework of the formal paleographic approach. The orientation towards interdisciplinarity in the consideration of the problem promotes the application of new methods of studying the object of research. On the basis of textual analysis of

the sources and semiotic analysis of the Glagolitic writing system, the study substantiates the erroneous character of assertions about the pre-Cyril East Slavonic origins of the Glagolitic alphabet. The results of the study of the Glagolitic script using semiotic methods of spatial and matrix modeling are shown. The article reveals the characteristic features of the internal organization of the semiotic model of the alphabet, which reflect its rationality and creative character. It is shown that the Glagolitic alphabet combines the principles of phonography and ideography, while the ideographic properties of the Glagolitic script are connected with the expression of the religious complex of the Orthodox faith, which was defended in their missionary activity by the Solun brothers Saints Cyril and Methodius. The analysis carried out serves as an important proof of the attribution to St. Cyril of the Glagolitic alphabet rather than the Cyrillic one. The historical roots of the Eastern Slavs' writing are common with the writing reflected in Moravian and Old Bulgarian monuments of church books.

Key words: origin of Russian writing; St. Cyril; Glagolitic alphabet or script; interdisciplinary approach; semiotic analysis

For citation: Karpenko, L. B. (2025). Russian Writing: The Problem of Origin. In *Philological Class*. Vol. 30. No. 2, pp. 7–16. DOI: 10.26170/2071-2405-2025-30-2-7-16.

Введение

Письмо служит важнейшей составляющей культуры, знание его корней имеет ключевое значение для воспитания образованного поколения, а формирование у учащихся корректных представлений об истории русского письма является одной из актуальных задач современной филологии. Наряду с внушительными достижениями в изучении славянской письменной традиции, которые отмечаются ведущими академическими специалистами [Молдован 2008: 7–11], в палеославистике есть область вопросов, недостаточно разъясненных не только в образовательной среде, но и для широкой общественности. Одним из них является вопрос о возникновении письма у восточных славян. Затянувшееся во второй половине XX века состояние нерешенности азбучной проблемы вызвало мифы вроде: «славянская письменность существовала до Кирилла», «глаголицы – древнерусское письмо», «Кирилл создал кириллицу» и т. п. Статья посвящена истокам дискуссий по этой проблеме и напоминает о традиционном понимании в русской филологии той роли, которую играло кирилло-мефодиевское наследие в развитии русской письменной традиции. Цель статьи – проследить эволюцию представлений о происхождении древнерусского письма на начальном этапе, основания для понимания его связей с кирилло-мефодиевским наследием и древнеболгарскими истоками в трудах славистов XIX века, изменения взглядов на происхождение древнерусской письменности в середине XX века и современное состояние вопроса.

Понимание происхождения русского письма в российской палеославистике XIX века

Российские филологи XVIII–XIX столетий в целом были солидарны в том, что начало русской письменности, как и русского литературного языка, связано с христианизацией и распространением христианской книжной традиции из Моравии и Болгарии, где протекала деятельность святых Кирилла и Мефодия и их учеников и последователей. Значение церковнославянской книжности для русской культуры в российской науке было определено с момента опубликования «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова, который одним из первых указал, что славяне не умели письменно передавать свои мысли раньше, чем церковные книги были

переведены с греческого языка на славянский; книжное богатство было приобретено вместе с греческим христианским законом. В XIX веке мысль об органичной связи распространения письма и книжного языка у славян с христианизацией была обоснована в сочинениях А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича, О. М. Бодянского, И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, Ф. И. Буслаева, Е. Ф. Карского, А. А. Шахматова и других российских славистов; в XX веке – в трудах А. М. Селищева, Г. О. Винокура, В. В. Виноградова, Б. Унбегауна, А. И. Горшкова, М. Л. Ремневой и др.

Если А. Х. Востоков, родоначальник русского сравнительно-исторического языкознания, еще сомневался в том, к какому диалекту относится язык первых славянских книг, то К. Ф. Калайдович после открытия им сочинений Иоанна Экзарха Болгарского определенно указал, что основы славянской письменности нужно искать в языке болгар, которые в конце IX века и в X веке имели развитую литературу. Это мнение в дальнейшем получило обоснование и поддержку в среде российских лингвистов. И. И. Срезневский значение древнеболгарской книжности для Руси выразил так: «<...> когда русский народ обратился к христианству, он нашел уже все книги, необходимые для богослужения и для поучения в вере, на наречии, отличавшемся от его родного наречия очень немногим. Книги эти послужили основанием письменности русской <...>» [Срезневский 1850: 38].

Понимание того, что формирование литературного языка на начальном этапе было связано с развитием письма, определило интерес российских славистов к собиранию памятников письменности, к изучению так называемой «азбучной проблемы» – проблемы старшинства и авторства двух славянских азбук – глаголицы и кириллицы, на которых написаны древнейшие славянские рукописи. Научный интерес к глаголице возник в конце XVIII века, когда были сделаны первые шаги по сопоставлению двух славянских азбук. К середине XIX века был установлен основной корпус древнейших болгарских памятников на глаголице и на кириллице. Уже тогда, в середине XIX века, О. М. Бодянский в предисловии к своей книге «О времени происхождения славянских письмен» указывал, что по вопросу о славянских азбуках так много уже писали, что почти нет ничего такого, о чем не было предложено нескольких мнений, нередко и совершенно противоположных

одно другому. За два минувших с той поры столетия интерес к проблеме происхождения славянских азбук, в особенности к вопросу о глаголице, не уменьшился. Позиции науки по вопросу о старшинстве азбук развивались в зависимости от количества и возраста обнаруженных глаголических памятников в их соотношении с памятниками кириллическими. До тех пор, пока не были открыты ранние болгаро-македонские памятники круглого глаголического письма и заключения о глаголице основывались лишь на поздней хорватской глаголице, многие слависты склонялись к мнению о старшинстве кириллицы. В настоящее время эта версия решительно отвергается славистами. Значительное продвижение в изучении глаголицы произошло в середине XIX века, в связи с открытием сборника Клоца и изданием этого памятника в 1836 году словенским лингвистом В. Копитаром. Представления о количестве и соотношении славянских рукописей, написанных глаголицей и кириллицей, расширились в особенности благодаря находкам В. И. Григоровича, открытым во время его путешествий по Балканам в 40-е годы XIX века. Ход экспедиции и ее результаты изложены в книге В. И. Григоровича «Очерк путешествия по Европейской Турции» в «Ученых записках Казанского университета» (1848). Указывая на проблемы собирания рукописей на территории Турции, он определил неотложную задачу российских палеославистов: найти и привести в известность византийские источники славянской истории. В значительной мере эту задачу выполнил сам В. И. Григорович, осуществив бессмертный подвиг для филологической науки, открыв и обнаружив древнейшие славянские рукописи. В отчетах о путешествии по Балканам В. И. Григорович сообщал, что за время поездки ознакомился с 580 греческими и славянскими рукописями. Ученому удалось найти, вывезти из Турции и сохранить для науки: глаголическое Мариинское евангелие XI века; глаголические листки Охридского евангелия XI века; два Рильских глаголических листка XI века; кириллические Хилендарские листки XI века; Охридский апостол XII века с глаголическими вставками. Среди интересных находок было и Боянское евангелие-палимпсест с кириллическим текстом начала XIII века, написанным по смытой глаголице XI века. В Охриде В. И. Григорович ознакомился с греческой Минеей конца XIII – начала XIV веков, содержащей Краткое житие св. Климента, написанное Дмитрием Хоматианом, с не известными ранее сведениями о славянских азбуках. Сделав выдержку из Краткого жития («выдумал притом святой Климент другие начертания письмен, более ясные, чем те, которые избрал мудрый Кирилл»), В. И. Григорович указал на важность этих сведений как на древнее указание о существовании двух азбук у болгар – глаголической и кириллической [Григорович 1915: 198]. В Зографском монастыре на Афоне В. И. Григорович ознакомился с обнаруженным ранее А. Михановичем ценнейшим глаголическим памятником – Зографским евангелием, подаренным позднее монахами монастыря Алек-

сандру II. Анализируя содержание древнейших рукописей, он сделал важное заключение о связи распространения славянской письменности с христианским просвещением, стараниями Церкви, целью которой было распространение среди славян христианской мудрости. Другим важным выводом ученого стало заключение о том, что глаголице старше кириллицы. Находки В. И. Григоровича послужили основой для продвижения исследования азбучной проблемы. Был накоплен необходимый объем знаний для понимания древней глаголицы как письма, отраженного в древнейших моравских и древнеболгарских памятниках церковной книжности. Все это способствовало развитию не только российской, но и мировой палеографии: с найденными рукописями или их копиями уже в середине XIX века работали: сам В. И. Григорович, И. И. Срезневский, П. Шафарик, а позднее – Н. К. Грунский, С. М. Кульбакин, Н. Ван-Вейк, Б. Велчева, И. Добрев, Е. Дограмаджиева, Й. Курц, Л. Милетич, Л. Мошинский, И. В. Ягич и другие палеографы. Постепенно, уже в середине XIX века, представления о болгарских истоках древнеславянской книжности, а также о старшинстве глаголицы утвердились в среде палеографов. По поводу происхождения древнерусского письма спустя несколько лет в «Очерке древнейшего периода истории русского языка» А. А. Шахматов писал: «Древнерусская письменность началась одновременно с принятием Киевской Русью христианства. Это важнейшее в истории русского народа культурно-историческое событие было подготовлено теми культурными связями, которые создались между южною Русью и Балканским полуостровом <...>» [Шахматов 1915: 162].

Таким образом, в дореволюционный период в российской филологической науке сформировалась аргументированная концепция развития на начальном этапе русской письменности и литературного языка вследствие влияния древнеболгарской церковнославянской книжности, воспринятой в момент крещения Древней Руси. Обоснованием этой концепции служили как исторические, так и лингвистические критерии – памятники письменности и отраженные в них языковые особенности.

Идеи о независимом происхождении древнерусского письма

В 30-е годы XX века новое понимание истории и миссии культуры и науки перевернуло традиционные представления российской филологии. Существенные противоречия между советской идеологией и православием стали основанием для пересмотра всех заслуг, связанных с Церковью. Все прежние достижения были опрокинуты, была пересмотрена роль Церкви как в формировании древнерусского литературного языка, так и в возникновении письма на Руси. Главенствующая концепция этого времени утверждала наличие еще в дохристианскую эпоху своих систем письма с «местными корнями», своей азбуки, даже не одной, а нескольких, среди них и глаголицы. Суще-

ствование письма на Руси в докирилловскую эпоху стало преподноситься почти как аксиома, не требующая доказательств. В конце 40-х годов XX века академик С. П. Обнорский, выступавший с идеей независимости древнерусского литературного языка, выразил и суждение об «очень раннем зарождении у нас письменной культуры». С. П. Обнорский предположил существование письменности еще у русов антского периода (т. е. в VI–VII веках) на территориях Поднепровья и сопредельных областей, где позднее формировалось русское государство [Обнорский 1948: 8]. В середине XX века ряд советских исследователей убежденно высказывались о восточнославянском происхождении глаголицы, считая, что «<...> глаголическое письмо возникло где-то в северном Причерноморье в результате длительного процесса развития из “черт и резов”» [Черных 1950: 12–13]. Именно глаголица – как это ни удивительно после открытий русскими учеными глаголических церковнославянских рукописей на Балканах и уже имеющегося опыта их изучения в XIX веке – стала рассматриваться как восточнославянское по происхождению письмо. Даже легендарный Д. С. Лихачев, рассуждая о том, каким мог быть древний алфавит восточных славян, называл именно глаголицу, а в целом предполагал многоалфавитность раннего письма древних русичей: «Письменность, как мы можем предполагать, возникла еще до образования относительно единого древнерусского государства. <...> Древним алфавитом могла быть глаголица, но это не значит, что рядом с глаголицей у русского населения Северного Причерноморья, тесно соприкасавшегося с греческими колониями, не могли употребляться буквы греческого алфавита для письма на русском языке» [Лихачев 1952: 21]. В 1950-е годы было предпринято несколько попыток «реконструкции» протоглаголического алфавита как докирилловского восточнославянского письма. Н. А. Константинов сообщил о «протоглаголице», якобы обнаруженной на артефактах IV–V веков в районе Причерноморья [Константинов 1957]. Еще одна «реконструкция» протоглаголицы из знаков на русских пряслицах, обнаруженных на территории России и относящихся к VIII–XVI векам, была предложена И. А. Фигуровским. Эти «реконструкции», не имевшие под собой никаких текстов, по сути, игнорировали установленные в XIX веке знания о глаголице. Мифологизированное и в свое время не пересмотренное заключение о русских корнях глаголицы поддерживало целый ряд ошибочных гипотез: о существовании славянской письменности до св. Кирилла, о заимствованном характере созданного св. Кириллом письма, о создании св. Кириллом кириллицы, о происхождении глаголицы от кипрского слогового письма и т. д., которые усугубляли путаницу в азбучной проблеме. Не случайно советский историк письма В. А. Истрин в начале 1960-х годов в книге «Развитие письменности», в главе «Происхождение и развитие славяно-русской письменности», охарактеризовал состояние изученности проблемы так: «Вопрос о возникновении славян-

ского и, в частности, русского письма остается одним из еще не разрешенных вопросов. До сих пор не установлено, ни когда появилось письмо у славян, ни что представляло собой первоначальное славянское письмо. Особенно усложняется вопросом, что до нас дошли не одна, а две древнейших славянских азбуки – кириллица и глаголица, памятники которых восходят к концу IX – началу X в.» [Истрин 1961: 258]. В его монографии, а вслед за ней и во многих публикациях других авторов картина происхождения славянского письма и соотношения двух азбук чрезвычайно искажена как в главном, так и в деталях: состав начальной глаголицы определяется в 40 букв (вместо 38), а кириллицы – в 38 букв. Кириллица, таким образом, была как бы подстроена под данные Чернорица Храбра, сообщавшего в сочинении «О письменах», что св. Кирилл создал 38 букв. На самом деле в древнейшей кириллице было не менее 41 буквы, и из текста Храбра следует, что он пишет не о кириллице, а о глаголице, противопоставляя созданную св. Кириллом азбуку греческому алфавиту. Содержание текста Чернорица Храбра и следы глаголической первоосновы текста исключают возможность признания кириллицы как азбуки, созданной св. Кириллом [Карпенко 2004: 177–180]. В унисон с указанными выше мнениями предшественников В. А. Истрин связал глаголицу с восточными славянами, упоминая некие археологические памятники протоглаголического письма, на самом деле таковыми не являющиеся: «<...> протоглаголическое письмо, по-видимому, впервые сформировалось у восточных славян <...> почти все предполагаемые археологические памятники протоглаголического письма и литературные свидетельства о нем откосятся к восточным славянам» [Истрин 1961: 280].

Не только «Сказание о письменах» Чернорица Храбра, но и другой уникальный источник славянского Средневековья – «Пространное житие Кирилла» – нередко используется для подкрепления «оригинальных» версий о начале письменной истории восточных славян. Фрагмент VIII главы «Пространного жития Кирилла» в его обнаруженных списках содержит краткий сюжет о найденных в Херсонесе Кириллом Евангелии и Псалтыри, будто бы «писанных русскими письменами». Основываясь на этом фрагменте, П. Я. Черных в свое время решительно утверждал, что книги были написаны не только древнерусскими буквами, но и на древнерусском языке. Как было многократно отмечено исследователями, в этом фрагменте «Пространного жития Кирилла» содержится ошибка текста [Иванова 1969].

Критика идей о «независимом происхождении» древнерусского литературного языка и письма

Чтобы понять приверженность наших филологов середины XX века идее восточнославянских корней глаголицы, нужно учесть, что перед палеославистами была поставлена задача поиска своего письма, не связанного с влиянием церковной традиции. В качестве обоснования был использован

распространенный в трудах пролетарских классиков тезис о связи возникновении письма с происхождением государства. Ф. Энгельс в сочинении «Происхождение частной собственности, семьи и государства», разделяя подход американского социолога Л. Моргана, связывал письмо в его возникновении с потребностями государства. Таким же образом в сталинское время, следуя принципу детерминизма, объясняли развитие письменности зарождением государства и развитием торговли. Этот тезис для определенного времени стал обязывающим методологическим принципом. Но со сменой вех в 1953 году прозвучала критика идей о письме «с местными корнями». В. В. Виноградов указал на зыбкость и противоречивость предположений Д. С. Лихачева: «с одной стороны <...> допускает первичность глаголицы – по сравнению с кириллицей, но тут же он без всяких доказательств и новых данных связывает изобретение того и другого алфавита с русским языком <...> Все это показывает, как еще много в этих вопросах спорного, гадательного, субъективно произвольного, противоречивого, научно не доказанного» [Виноградов 1953: 10–11]. С опровержением гипотезы Н. А. Константинова о «причерноморской глаголице» выступила ленинградская палеограф Е. Э. Гранстрем, писавшая: «...подобранный Н. А. Константиновым материал не может служить доказательством его гипотезы, в отдельных случаях <...> привлекаются памятники, ничего общего с историей письма не имеющие <...>» [Гранстрем 1955: 301]. Критически отнеслись к идее докирилловского происхождения глаголицы и болгарские палеославысты [Илчев 1985: 503].

Попытки преподнести глаголицу как древнерусское письмо были, разумеется, обречены на неудачу. Произшедший в сталинский период пересмотр позиций отечественной науки по вопросу происхождения восточнославянской письменности, обусловленный поисками «местных корней», стал поводом для продолжающейся дискуссии, в центре которой вопросы о так называемой «докирилловской древнерусской письменности» и «русских письменах». В разной степени и в разных ракурсах они затрагивались в трудах Д. С. Лихачева, Е. Э. Гранстрем, Э. Георгиева, А. С. Львова, П. Я. Черных, В. А. Истрина, Т. А. Ивановой, Н. И. Толстого, А. А. Гиппиуса, Л. Б. Карпенко и других исследователей. Но, несмотря на критику, версия восточнославянского происхождения глаголицы еще продолжает звучать. Можно и сегодня читать в наших научных изданиях: «<...> глаголица возникла в дохристианское время не только у западных, но у всех славян, в том числе и у восточных, – в очень древнее время» [Киров 2000: 134]. Все же в целом сегодня вопрос о существовании у восточных славян оригинальной письменности в докирилловскую эпоху принадлежит истории филологической науки. Никаких следов докирилловской письменности на восточнославянской территории обнаружено не было, «реальных памятников употребления письма на Руси до официального крещения у нас нет» [Гиппиус 2015]. Не были и не могли быть

обнаружены никакие археологические памятники русского протоглаголического письма, поскольку древнейшая глаголица связана не с русским, а с древнеболгарским языком [Карпенко 2009: 20], с христианскими богослужебными рукописями и является продуктом творческой деятельности св. Кирилла, проходившей во второй половине IX века, о чем речь будет идти далее.

Глаголица с позиций междисциплинарного подхода

Древнеболгарская азбука глаголица – уникальная система письма. Уникальность глаголицы обусловлена и историей ее появления, связанной с миссионерской деятельностью св. Кирилла, и ее семиотическими особенностями. Собственно, именно семиотические особенности глаголицы, многообразно обнаруживаемые в наших исследованиях признаки рационального характера, отражающего содержательную связь с миссионерской деятельностью св. Кирилла, и служат основным аргументом в вопросе о ее происхождении. Без аргументов содержательного характера другие доказательства, систематизированные еще в XIX веке В. И. Григоровичем и П. Й. Шафариком (лингвистические – большая древность языка глаголических памятников по сравнению с кириллическими, большая разработанность состава букв кириллицы по сравнению с глаголицей; палеографические – кириллические палимпсесты по смытой глаголице; археологические – обнаружение глаголических памятников на территориях, связанных с просветительской деятельностью солунских братьев и их учеников), в совокупности очень значимы, но они не являются достаточными для решения вопросов не только об атрибуции глаголицы св. Кириллу, но и о ее старшинстве. Именно отсутствие представлений о содержательной основе азбуки приводило исследователей глаголицы к тупиковой идее ее восточнославянских корней.

Создание азбуки глаголицы славянским первоучителем св. Кириллом было, безусловно, актом проявления творчества. Парадокс состоит в том, что долгое время оставалась нераскрытой символическая природа глаголицы. Причина этого кроется главным образом в том, что на протяжении двух столетий азбука рассматривалась с узко лингвистических позиций или с позиций формального палеографического подхода, при котором начертания букв интерпретировались как знаки, производные от других графических систем: сирийской и пальмирской (П. Й. Шафарик), византийской скорописи (И. Тэйлор, А. Лескин, И. В. Ягич и др.), албанской (Л. Гейтлер), арабской (В. И. Григорович), армянской и грузинской (М. Гастер), коптской (Ф. Ф. Фортунатов), иранской (В. Ф. Миллер), еврейской (В. Вондрак), латинского курсива (С. Веселы), клинописи (А. С. Львов) и т. д. Ученые шли путем формального сравнения знаков, изначально допуская заимствованный характер начертаний глаголицы [Ягич 1911]. При этом в стороне оказывалось изучение знаковой мотивированности букв, их символических смыслов, отражения

в их начертаниях связи с идеями, которые определяли проповедническую деятельность святых Кирилла и Мефодия, – служение Византийской Церкви, утверждение правой веры среди славян. Недостаточно уделялось внимание эстетическим принципам раннехристианской традиции, содержательной связи азбуки с евангельским и шире – с библейским – контекстом. Вследствие этого формальные сопоставления глаголицы с алфавитами других языков не привели к пониманию природы этой азбуки. В самом общем смысле христианский символизм предполагал в глаголице Г. Чернохостов, но его распределение всех букв по ассоциации с тремя символами креста, треугольника и круга не объясняло их значений.

Раскрытие символического христологического кода глаголицы стало возможным в результате применения междисциплинарного подхода, необходимого, когда проблема признается нерешаемой в традиционной дисциплинарной трактовке. Письменная культура славян, согласно историческим свидетельствам, начинается с принятием христианства, а потому расшифровка символики первого славянского алфавита – глаголицы – невозможна вне контекста раннехристианской культуры. Осмысление символической природы азбуки, отражения в ней христологического идейного комплекса, которому служил св. Кирилл, в свете семиотики, религиозно-философского контекста, отраженного в кирилло-мефодиевском наследии, обосновано тем, что визуальное выражение сакральных смыслов широко использовалось в культуре Средневековья. Оценка целостного кодирования смысла визуальными символами присутствует уже в культуре поздней античности у основателя неоплатонизма Плотина – родоначальника учения о неизъяснимости трансцендентного Единого. Показательны его рассуждения о преимуществах иероглифических знаков по сравнению с алфавитным письмом: «... каждое такое изображение является наукой и мудростью, и именно – в своей субстратной цельности, не в качестве дискурсивного мышления или убеждения» [Лосев 1980: 453]. Одним из основополагающих учений византийской культуры была теория символов, разработанная представителями церковной патристики и трактованная символы как особые священные знаки, в которых явлено человеку божественное знание. Такое понимание символического происходило из средневекового прочтения Библии и толкования ее как всеобъемлющей системы сакральных знаков и образов, назначение которых состоит в «прикровенном выражении истины». Именно такому пониманию символического и соответствуют загадочные начертания первых славянских букв. В разработанном византийскими религиозными философами символическом богословии визуальным символам и знакам отводится роль основных средств метафорического выражения Божественной истины, им отдается предпочтение перед словесными средствами. В учении Дионисия Ареопагита, эстетические принципы которого отражает средневековая христианская культура, символ

предстает в качестве универсальной категории: с одной стороны, символ служит для обозначения и тем самым для выявления непостижимого, с другой – является оболочкой, скрывающей неизреченное. Знание, скрытое в символах и знаках, постигается через заключенную в них гармонию и красоту [Бычков 1977: 2].

Соединение историко-культурологического и семиотического подходов позволило увидеть глаголицу как целостную и совершенно оригинальную знаковую систему, осмысленную на разных семиотических уровнях: фонетическом, графическом, числовом, на уровне имен букв. Кроме фонетических и числовых значений, свойственных поздним буквенно-звуковым типам письма и обеспечивающих запись словесного и числового текста, ее знаки наделены еще и символическими значениями, связанными с выражением религиозного христианского миропонимания. Таким образом, глаголица сочетает принципы фонографии и идеографии, при этом идеографические свойства глаголицы связаны с выражением религиозного комплекса правой веры, который отстаивали в своей миссионерской деятельности солунские братья святые Кирилл и Мефодий.

Напомним, что при пространственно-графическом моделировании глаголическая азбука раскрывается как семиотическая система, образующая единый, целостный христианский метасимвол – круг из трех окружностей с вписанным крестом, изображение которого с основными, векторными знаками показано в статье автора [Карпенко 2009: 35]. Заключающий в символической форме многоаспектное содержание глаголический «вселенский круг» образуется закономерно, из 38 букв – именно из того их количества, на которое как на состав первой славянской азбуки указывают ряд источников: сочинение древнеболгарского книжника Черноризца Храбра, Мюнхенский алфавитарий, а также алфавитарий, содержащийся в Псалтыри Дмитрия Алтарника, «Краткое житие Кирилла». Начальным звеном построения семиотической модели глаголического вселенского круга служит первый знак **Азъ**, крестообразная форма которого вызывает представление о срединном его положении как символа, образующего центр некоторой системы координат. Крестообразный **Азъ** получает значение главного сакрального символа, вокруг которого выстраиваются другие знаки. Вся пространственная модель азбуки строится по принципу Зодиака, по двенадцать символов в круге. Ориентированная на центральный христианский символ, модель глаголического круга наглядно демонстрирует принципы и каноны раннехристианской эстетики. В ней отражено представление о божественной гармонии и иерархии миропорядка. В божественном мире в симметрии и равновесии пребывают противоположные между собой свет и тьма, покой и движение, добро и зло, а осью, удерживающей равновесие, служат священный холм вознесения, крест, ведение (софийность), разум, вера.

Для восприятия многоаспектного семиотиче-

ского содержания модели глаголического круга важно иметь в виду, что символическое изображение упорядоченности Божественной вселенной в виде концентрических кругов было традиционным в эпоху раннего христианства. О божественном круговращении вселенной, звезд и солнца, «неизменного в своем законе», писал в своих сочинениях св. Григорий Богослов, которого св. Кирилл называл своим учителем. Такие представления являются общими в творениях и других отцов Церкви, что в принципе предопределяется содержащимися в Библии указаниями о пространственной гармонии божественного мироустройства. Глаголический круг является многофункциональной семиотической системой, заключающей религиозно-философское и естественно-научное знание своего времени. В плане естественно-научной информации он представляет собой многозначную систему координат, в которой узнаются ориентация сторон света, зодиакальная система, солнечный годичный цикл, лунный цикл и другие астрономические знания, известные науке средневековой Византии.

Установленная пространственно-графическая модель глаголицы обладает свойствами семиотического текста. Поскольку в структуре глаголического круга буквы занимают определенные места и образуют симметричные оппозиции, вся схема читается как текст, в котором формы и названия глаголических букв имеют смысл. Так, например, буквы на правой стороне оси юг – север **Єсть Ѡ** – **Покои Ѧ** – **Ієрь Ѣ** образуют смысловой текст: юг – место покоя Бога, оно является священным. Буквы **Людие Ѧ** – **Мыслите Ѧ** – **Нашь Ѧ**, занимающие верхний сектор, символически передают идею праведного пути, выраженную в Псалтыри. Символ праведника образуется вязью букв **Людие Ѧ** и **Мыслите Ѧ**, когда они пишутся под титлом в словах *молитва* и *Иерусалим*. Такие написания обнаружены в Ассеманиевом ев. (л. 134), в Зографском ев. (л. 73, 203, 226, 226б, 247, 261, 264, 265), в Рильских глаголических списках и т. д. Вязь (вертикальное наложение, при котором две петли основания **Людие Ѧ** покрывают два верхних овала **Мыслите Ѧ**) создает начертание в форме человека с головой, в котором эти буквы приобретают новый символический смысл: пребывая в молитве, человек обретает свою полноту; вне ее человек несовершенен, он лишен своей полноты – разума (отсюда и призывно звучащие имена букв: **Людие** – **Мыслите**). Вне молитвы, без Бога, люди ходят неправедными путями, они опутаны сетями дьявола: <...> не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю (2 Тим. 2:26). Петлеобразная форма знака **Людие Ѧ** символизирует не прямой путь, петлю, сеть ловцов, грешников. Буква **Мыслите Ѧ**, напоминающая обезглавленную фигуру человека, становится в таком контексте символом неполноты человека в отрыве от Бога. Форма буквы **Нашь Ѧ**, представляющая собой петлю из прямых линий, является символом попятных путей. Общий смысл комбинации из трех букв соот-

ветствует контексту Псалтыри: **гъ правдєнь съсѣче выж грѣшньныхъ. да постыдаѣт сѧ и възврататѣ сѧ възпатѣ вси ненавидѣштен сіѡна** [Синайская псалтырь 1922: 128].

В структуре глаголического круга присутствует и четкий вертикальный вектор, характерный для пространственного символизма в христианской культуре. Здесь он определяется символикой начертаний и имен знаков: **Хлъ (хлъмъ)** – **Твърдо** – **Зємля** – **Азь** – **Боуки** – **вѣдѣ** – **Мыслите** – **Цы (цъкы)**. Эта вертикаль выражает противопоставление нравственного мира миру материальному, передает идею восхождения от земного начала к духовному и интеллектуальному в лоне веры, Церкви. В связи с этим можно говорить о том, что доминирующей в смысловом отношении идеей, заключенной в глаголическом круге, является христианская религиозно-нравственная идея. Она воспринимается достаточно отчетливо, и очевидна связь этой заключенной в азбуке идеи с духовно-нравственными позициями ее создателя, св. Кирилла, переданными в его определении философии: **вжїамъ и члчамъ вєщємъ разоумъ елико може приблизитисѧ всѣмъ ѡако дѣтелю ѡчитѣ члѧ по вєразѣ и по подобю быти сѣтворшємъ его** [Пространное житие Кирилла 1986: 48]. «Знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к богу, который учит человека делами (своими) быть по образу и по подобию сотворившего его». Христологическое значение целостной многофункциональной семиотической модели глаголицы с вписанным крестом и вертикалью, символизирующей идею восхождения к веденью, разуму, вере, обуславливает и поддерживает значение отдельных фрагментов и христологический символизм ее матрицы.

Еще одной особенностью структуры глаголицы, свидетельствующей о рациональном, креативном характере этой азбуки, является отражение в ее структуре десятичной системы счисления и кодирование буквами, завершающими десятизначные строки, имени Иисуса. Азбука имеет матричное построение: в последовательности 10-го, 20-го, 30-го и 33-го знаков трехкратно выражена основная идея христианского вероучения – идея мессианства. Она заключена в фонетических значениях букв, которые образуют имя Иисуса, в их именах, иносказательно передающих ту же мысль десятого (**Иже Ѡ**), двадцатого (**Глово Ѧ**), тридцатого (**Ієрь Ѣ**) и тридцать третьего (**Хлъ Ѡ**), в их начертаниях, имеющих идеографическую природу и несущих сакральное содержание: **Иже Ѡ** – Нисхождение, **Глово Ѧ** – Восхождение, **Ієрь Ѣ** – Рождение, **Хлъ Ѡ** – Вознесение. Последовательность этих четырех букв образует символический текст, своеобразную эмблему, заключающую в себе доктрину Православия. Ближайший, раскрывающий, контекст для этих знаков, которые условно названы мной знаками глаголической матрицы, представляют Евангелие от Иоанна и вторичный по отношению к нему Никейский Символ веры, принятый Никейским Собором в 325 году. Вниматель-

ное изучение текста «Пространного жития Кирилла» убеждает в том, что в глаголической матрице христологическая идея сопоставляется с Никейским Символом веры. Об этом свидетельствует пристальное внимание св. Кирилла к теме человеческого рождения Христа, как это показано в изложении диспутов, которые велись в Арабском халифате и Хазарском каганате [Карпенко 2020]. При соотнесении с Никейским Символом веры отмечаем соответствие содержания матрицы глаголицы смысловому комплексу о Нисходящем, Восходящем, Рожденном и Грядущем со славой, относящемуся к Христу в Никейском Символе веры.

Осуществленный анализ служит важным доказательством атрибуции св. Кириллу именно глаголицы, а не кириллицы. Семиотике глаголицы отвечает знание самого широкого спектра. Семиотическим основанием, верифицирующим достоверность предложенной реконструкции, служат соотнесенность каждого отдельного знака со всей системой азбуки, общая соотнесенность знаков с контекстом культуры, соотнесенность их с библейским контекстом и с основами мировидения создателя азбуки. Содержательная многомерность символического кода азбуки соответствует и личности св. Кирилла, какой она «вырастает» из свидетельств современников, и религиозно-философским канонам эпохи, которая сформировала мировоззрение славянского первоучителя. Именно он, со свойственным ему синкретизмом знания, и мог быть автором столь глубоко и многосторонне разработанной азбуки.

Источники

Пространное житие Кирилла // Жития Кирилла и Мефодия : сборник : факсимильное воспроизведение рукописей / ред. кол.: Д. С. Лихачев (пред.) [и др.]. – М. : Книга ; София : Наука и искусство, 1986.

Синайская псалтырь: глаголический памятник XI века / подготовил к печати С. Северьянов. – Петроград : Отделение русского языка и словесности Российской академии наук, 1922. – VII, 392 с.

Литература

Бычков, В. В. Corpus areopagiticum как один из философско-эстетических источников восточнохристианского искусства / В. В. Бычков // II Международный симпозиум по грузинскому искусству. – Тбилиси : АН ГССР. Институт истории грузинского искусства им. Г. Н. Чубинашвили, 1977.

Виноградов, В. В. Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка» / В. В. Виноградов // Якубинский Л. П. История древнерусского языка. – М. : Учпедгиз, 1953. – С. 3–40.

Гиппиус, А. А. Берестяные грамоты и начало древнерусской письменности / А. А. Гиппиус // Постнаука. – 2015. – URL: <https://postnauka.org/video/52694> (дата обращения: 23.06.2025).

Гранстрем, Е. Э. О происхождении глаголической азбуки / Е. Э. Гранстрем // ТОДРЛ. – М. ; Л., 1955. – Вып. XI. – С. 300–313.

Григорович, В. И. Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям / В. И. Григорович. – Казань : Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915. – 256 с.

Иванова, Т. А. Еще раз о «русских письменах» / Т. А. Иванова // Советское славяноведение. – 1969. – № 4. – С. 72–75.

Илчев, П. Глаголица / П. Илчев // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 1. – София : Издателство на Българската академия на науките, 1985. – С. 491–509.

Истрин, В. А. Развитие письма / В. А. Истрин. – М. : Издательство Академии наук СССР, 1961. – 396 с.

Карпенко, Л. Б. «Сказание о письменах» Черноризца Храбра как источник изучения глаголической проблемы / Л. Б. Карпенко // Преславска книжовна школа. Т. 7. – Шумен : Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2004. – С. 172–183.

Карпенко, Л. Б. Глаголица и Символ веры: к вопросу о христологическом содержании первой славянской азбуки / Л. Б. Карпенко // Palaeobulgarica. – 2020. – № 4. – С. 47–70.

Заключение

В статье были прослежены основные вехи отраженных в русистике представлений о происхождении древнерусского письма – от установления и признания древнеболгарской их основы в трудах российских славистов XIX века – до гипотез о «своих корнях» древнерусского письма и литературного языка в советский период и последующей критике этих гипотез. В настоящее время в отечественной филологии восстановлено признание той роли, которую играло кирилло-мефодиевское наследие в развитии русской письменной традиции. Рассмотрение глаголицы с позиций междисциплинарного подхода, в контексте Библии и раннехристианской эстетики свидетельствует о том, что создание первой славянской азбуки было связано с распространением христианства. Славянское письмо явилось как символическая система, содержащая в себе евангельское начало. Глаголица заключает идею о Спасителе – высшей ценности христианского вероучения, идею божественного миропорядка и христианские нравственные ориентиры. Семиотика глаголицы указывает на ее тесную связь с выражением христологического комплекса правой веры, который отстаивали в своей миссионерской деятельности святые Кирилл и Мефодий. Корреляция между символическим кодом глаголицы и евангельским текстом, Символом веры, житиями святых служит важнейшим семиотическим доказательством атрибуции этой древнеславянской азбуки св. Кириллу.

- Карпенко, Л. Б. Глаголица св. Кирилла: к истокам славянской духовности / Л. Б. Карпенко // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 16–39.
- Киров, Е. Ф. Графика русского языка до и после Кирилла (к вопросу о происхождении буквенного письма) / Е. Ф. Киров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». – 2000. – № 1. – С. 125–147.
- Константинов, Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица / Н. А. Константинов // Ученые записки ЛГУ. Серия «Филология». – 1957. – № 197, вып. 23. – С. 110–146.
- Лихачев, Д. С. Несколько замечаний о возникновении русской письменности / Д. С. Лихачев // Возникновение русской литературы. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1952. – С. 14–24.
- Лосев, А. Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1980. – 766 с.
- Молдован, А. М. Пути славистики в современном мире / А. М. Молдован. – М. : Российская академия наук, 2008. – 26 с.
- Обнорский, С. П. Культура русского языка / С. П. Обнорский. – М. : Издательство АН СССР, 1948. – 32 с.
- Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка / И. И. Срезневский. – СПб. : Типография Военно-учебных заведений, 1850. – 218 с.
- Черных, П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма / П. Я. Черных. – М. : Учпедгиз, 1950. – 39 с.
- Шахматов, А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка / А. А. Шахматов // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11.1. – Петроград : Типография Императорской Академии наук, 1915.
- Ягич, И. В. Глаголическое письмо / И. В. Ягич // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. – СПб. : Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1911. – С. 51–257.

References

- Bychkov, V. V. (1977). Corpus areopagiticum kak odin iz filosofsko-ehsteticheskikh istochnikov vostochnokhristianskogo iskusstva [Corpus Areopagiticum as One of the Philosophical and Aesthetic Sources of Eastern Christian Art]. In *II Mezhdunarodnyi simpozium po gruzinskomu iskusstvu*. Tbilisi, AN GSSR. Institut istorii gruzinskogo iskusstva im. G. N. Chubinashvili.
- Chernykh, P. Ya. (1950). *Proiskhozhdenie russkogo literaturnogo yazyka i pis'ma* [Origin of Russian Literary Language and Writing]. Moscow, Uchpedgiz. 39 p.
- Gippius, A. A. (2015). Berestyanye gramoty i nachalo drevnerusskoi pis'mennosti [Birch Bark Letters and the Beginning of Old Russian Writing]. In *Postnauka*. URL: <https://postnauka.org/video/52694> (mode of access: 23.06.2025).
- Granstrom, E. E. (1955). O proiskhozhdenii glagolicheskoi azbuki [On the Origin of the Glagolitic Alphabet]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad. Issue XI, pp. 300–313.
- Grigorovich, V. I. (1915). *Doneseniya V. I. Grigorovicha ob ego puteshestvii po slavyanskim zemlyam* [Reports of V. I. Grigorovich on His Journey through the Slavic Lands]. Kazan, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk. 256 p.
- Ilchev, P. (1985). Glagolitsa [Glagolitic]. In *Kirilo-Metodievskaya entsiklopediya*. Vol. 1. Sofia, Izdatelstvo na B"lgarskata akademiya na naukite, pp. 491–509.
- Istrin, V. A. (1961). *Razvitiye pis'ma* [Development of Writing]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 396 p.
- Ivanova, T. A. (1969). Eshche raz o «russkikh pis'menakh» [Once Again about 'Russian Letters']. In *Sovetskoe slavyanovedenie*. No. 4, pp. 72–75.
- Karpenko, L. B. (2004). «Skazanie o pis'menakh» Chernoriztsa Khrabra kak istochnik izucheniya glagolicheskoi problemy [‘Tale of the Writings’ by Chernorizets Hrabra as a Source for Studying the Glagolitic Problem]. In *Preslavskaya knizhovna shkola*. Vol. 7. Shumen, Universitetsko izdatelstvo «Episkop Konstantin Preslavski», pp. 172–183.
- Karpenko, L. B. (2009). Glagolitsa sv. Kirilla: k istokam slavyanskoi dukhovnosti [Glagolitic of St. Cyril: To the Origins of Slavic Spirituality]. In *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 2, pp. 16–39.
- Karpenko, L. B. (2020). Glagolitsa i Simvol very: k voprosu o khristologicheskom soderzhanii pervoi slavyanskoi azbuki [Glagolitsa and the Creed: To the Question of the Christological Content of the First Slavonic Alphabet]. In *Palaeobulgarica*. No. 4, pp. 47–70.
- Kirov, E. F. (2000). Grafika russkogo yazyka do i posle Kirilla (k voprosu o proiskhozhdenii bukvennogo pis'ma) [Graphics of the Russian Language before and after Cyril (to the Question of the Origin of Letter Writing)]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya «Filologiya»*. No. 1, pp. 125–147.
- Konstantinov, N. A. (1957). Chernomorskie zagadochnye znaki i glagolitsa [Black Sea Enigmatic Signs and Glagolitic]. In *Uchenye zapiski LGU. Seriya «Filologiya»*. No. 197. Issue 23, pp. 110–146.
- Likhachev, D. S. (1952). Neskol'ko zamechaniy o vznikhovnenii russkoi pis'mennosti [A Few Remarks on the Origin of Russian Writing]. In *Vznikhovnenie russkoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 14–24.
- Losev, A. F. (1980). *Istoriya antichnoi estetiki: Pozdний ellinizm* [History of Antique Aesthetics: Late Hellenism]. Moscow, Iskusstvo. 766 p.
- Moldovan, A. M. (2008). *Puti slavistiki v sovremennom mire* [Paths of Slavic Studies in the Modern World]. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk. 26 p.
- Obnorsky, S. P. (1948). *Kul'tura russkogo yazyka* [Culture of the Russian Language]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR. 32 p.

Prostrannoe zhitie Kirilla [Prostrannoe Zhitie of Cyril]. (1986). In Likhachev, D. S. et al. (Eds.). *Zhitiya Kirilla i Mefodiya: sbornik: faksimil'noe vosproizvedenie rukopisei*. Moscow, Kniga, Sofia, Nauka i izkustvo.

Shakhmatov, A. A. (1915). Oчерk drevneishego perioda istorii russkogo yazyka [Sketch of the Most Ancient Period of the History of the Russian Language]. In *Ehntsiklopediya slavyanskoi filologii*. Issue 11.1. Petrograd, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Sinayskaya psal'tyr': glagolicheskii pamyatnik XI veka [Sinai Psalter. Glagolitic Manuscript of the 11th Century]. (1922). Petrograd, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Rossiiskoi akademii nauk. VII, 392 p.

Sreznevsky, I. I. (1850). *Mysli ob istorii russkogo yazyka* [Thoughts on the History of the Russian Language]. Saint Petersburg, Tipografiya Voenno-uchebnykh zavedenii. 218 p.

Vinogradov, V. V. (1953). Prof. L. P. Yakubinskii kak lingvist i ego «Istoriya drevnerusskogo yazyka» [Yakubinsky as a Linguist and His 'History of the Old Russian Language']. In Yakubinsky, L. P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka*. Moscow, Uchpedgiz, pp. 3–40.

Yagich, I. V. (1911). Glagolicheskoe pis'mo [Glagolitic Writing]. In *Ehntsiklopediya slavyanskoi filologii*. Issue 3. Saint Petersburg, Otdelenie russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk, pp. 51–257.

Данные об авторе

Карпенко Людмила Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара, Россия).

Адрес: 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru.

Author's information

Karpenko Liudmila Borisovna – Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev (Samara, Russia).

Дата поступления: 25.02.2025; дата публикации: 30.06.2025

Date of receipt: 25.02.2025; date of publication: 30.06.2025